

Философские проблемы воспитания и образования в проектах совершенствования общества в наследии декабристов

З.Ю. Желнина

Гуманитарный факультет МГТУ, кафедра философии

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды декабристов на проблемы просвещения современного им общества. Автор указывает, что тема интеллектуальных прав, когнитивных интересов и потребностей личности в интерпретации декабристов имела самостоятельное звучание в русле идей социально-политических преобразований. Изложение взглядов декабристов отражает их мнение по вопросам личной свободы и прав образованного человека, гражданской инициативы и ответственности, единства и противоречий ценностей развития личности и общества. Рассмотрение феномена образования как системы ценностных противоречий существенно изменили просветительские убеждения декабристов и обогатили историю идей в этой сфере.

Abstract. The paper considers the Decembrists' views on the problem of education. The author has pointed out that the theme of intellectual rights, cognitive interests and person's needs in the Decembrists' interpretation was independent among the ideas of social and political reforms. Statement of the Decembrists' views has reflected their opinions on the questions of person's freedom and the rights of an educated person, the civil initiative and responsibility.

1. Введение

Проблема соотношения политических и просветительских идей в наследии декабристов до настоящего времени питает полемику в научной литературе, наиболее часто здесь представлены исследования социально-политического характера. Объясняя такой подход, ограничимся указанием на специфику развития нашего государства и сопровождающей его обществоведческой науки, для которых были характерны идеологические основания теоретических разработок в изучении исторических событий.

Одним из сложных моментов изучения миропонимания декабристов является преодоление взгляда, когда разнообразие высказанных ими идей рассматривалось только в качестве политической оппозиции существующей власти. Наиболее известные работы, формирующие иной взгляд на исторические реалии, связаны с именами исследователей конца XIX – начала XX века А.Н. Пыпиным, А.А. Корниловым (1905), В.И. Семевским, М.В. Довнар-Запольским (1907), которые обосновывали мнение, что идеи декабристов были органично связаны со своей эпохой, а политическое противостояние не было их самостоятельной целью, поэтому большего внимания заслуживают идеи гуманизации общественных отношений просветительскими и организационными путями. Г.В. Вернадский отметил "параллелизм" конституционных изысканий декабристов с правительственными проектами (Вернадский, 1993). Конечно, политические модели декабристов и правительства имели закономерные отличия, в первую очередь по вопросу понимания права личности на мнение и культурный выбор, обеспеченного личным знанием и образованием.

В середине XX века некоторые советские ученые также обращались к общекультурному наследию декабристов, среди них были Б.С. Мейлах, В.М. Зверев, Б.Т. Кедров и В.М. Пасецкий. Развитие темы исследования с такой точки зрения становится не только более продуктивным для понимания философской позиции декабристов, но и более широко раскрывает культуру социума дворянской интеллигенции начала XIX в.

2. Формирование гражданской инициативы в ходе интеллектуальной эмансипации

Сложные мировоззренческие коллизии, возникающие в периоды социальных изменений, питают опыт национального самосознания и далее опыт социального проектирования. Рассматривая генезис их взаимовлияния, следует подчеркнуть, что противоречивые идеи становятся комплементарными феноменами, свойства которых зависят и от развития всей системы, и от развития противопоставленных друг другу идей. В начале XIX в. из дворянской среды, объединенной социально-правовым статусом и служилой ментальностью, выделились представители, усвоившие просветительские взгляды, сомневающиеся в существующих идеологических схемах и критикующие современные им социальные устроения. Ими была инициирована проблема соотношения политики как рода деятельности

государственной власти и права российских граждан на такую же деятельность. "В теперешних обстоятельствах отечество наше имеет высокую нужду в людях деятельных и просвещенных в науке правления," – утверждал Н.А. Крюков (*Избранные произведения*, 1951, т. II), подразумевая при этом идейную самостоятельность тех, кого необходимо, по мнению декабриста, привлечь на государственную службу.

Участие дворянских интеллигентов в культурных, административных и военных делах аккумулировало их политический опыт и определило собственное понимание путей решения социальных проблем. Сообразуясь с приоритетами эпохи, важнейшим средством достижения поставленных целей предлагалось считать просвещение. Если вольнодумцам конца XVIII в. было близко мировоззрение эпикурейцев, то XIX в. привнес идею гражданского долга и социальной активности: "Цель жизни истинного философа состоит в том, чтобы быть полезну человечеству; посему главными занятиями для него должны быть два предмета: воспитание и наука общественная. Я говорю главными занятиями, потому что, хотя прочие науки соответствуют той же цели, однако ж они скорее могут рассматриваемы как средство" – эту мысль в продолжение существующих идей высказал Н.А. Крюков (*Избранные произведения*, 1951, т. II).

Другой значимой характеристикой теоретических трудов декабристов является их целеустремленность в построении и реализации отличных от предыдущего времени идеалов гармоничного человека. Декабрист Н.А. Крюков сообщил на следствии: "Прочитав несколько книг, между прочим Руссо и Делиля Дессаля, я получил страсть к занятиям. Тут родилось во мне желание познать человека и то, что может служить его счастию. Сообразно с сею целию, старался добывать таких авторов, которые бы обогатили мой ум познаниями философическими и политическими" (*Избранные произведения*, 1951, т. II). Несмотря на различие принципиальных мировоззренческих позиций (а среди декабристов были материалисты, деисты, идеалисты), всех их объединяла просветительская утопия о гармонии разума, справедливости и свободы, а также возможности специализированной деятельности по формированию нового человека. Главным условием последней, конечно, было преобразование общества в соответствии с вновь формируемыми идеалами. П.И. Каховский писал: "Страна та будет счастлива, где просвещение будет следствием свободы законной" (*Избранные произведения*, 1951, т. I).

Общественное сознание, значительно изменившееся после восстания декабристов, являло собой отклик на идеи¹ нерелигиозной самоактуализации, переосмысления достижений эпохи Просвещения в Европе, ожидания государственных реформ, разграничения интересов государства и общества (в современном толковании "гражданское общество"). Значимость жизненного опыта каждого из декабристов применительно к философии развития общества определена подтверждением и укоренением рационально-логического типа обретения знаний о мире, в котором опыт поколений передается не традициями, а в ходе самостоятельного выбора знаний, при этом свобода, в свою очередь, становилась идентичной не осознанной необходимости, но широте творческих потенций.

Интерес к науке, литературе, искусствам у большинства деятелей этого движения носил универсальный характер. О широте кругозора декабристов, масштабах их мышления свидетельствует все их наследие – книги, статьи, письма, мемуары. Так, член Северного общества Г. Батеньков, по образованию инженер, был известен как автор первой русской книги "О египетских письменах", вышедшей в Санкт-Петербурге в 1824 г. и посвященной дешифровке египетских иероглифов. Многие декабристы сочиняли стихи, писали статьи по вопросам эстетики, истории, математики, этнографии. Н.А. Бестужев считал стремление к универсализму одной из примет своего поколения, он утверждал, что художник должен выходить за пределы своей профессии, он должен быть "и историком, и поэтом, и наблюдателем (т.е. исследователем)" (*Избранные произведения*, 1951, т. I). Исторические материалы, собранные в издании "Восстание декабристов" (1926-1958), сообщают, что Н.А. Крюков, назвал на следствии в числе своих учителей представителей социальной философии Траси, Гельвеция, Кондильяка, Гольбаха. М.А. Фонвизин показал, что "свободный образ мыслей" он почерпнул в семнадцать лет "из прилежного чтения Монтескье, Рейналя и Руссо". Весьма важен вопрос, кто из ученых и мыслителей в самой России того времени оказал положительное влияние на формирование мировоззрения декабристов и их философские взгляды. Известно, что в своих показаниях декабристы называли в числе лекторов и авторов, повлиявших на их взгляды, петербургских профессоров К.Ф. Германа, А.П. Куницына (*Фомин*, 1915), К.И. Арсеньева; московских – П.А. Сохацкого, Л.А. Цветаева, Ф.Х. Рейнгарда. В 1831 г. М.Л. Магницким была написана записка "о философской истории мятежа" 14 декабря 1825 г., где назывались виновники – П.Д. Лодий, А.П. Куницын, А.И. Галич, профессор-шеллигианец Д.М. Велланский. Но уже за три года до начала восстания эти преподаватели проходили по делу "О вредном преподавании философии" в России

¹ В данном случае мы не разделяем такие отклики на позитивные и негативные. Важно, что восприятие таких тенденций инициировало новые идеи общества.

(*Избранные произведения*, 1951, т.1). Н.А. Бестужев писал, что "строгость, с которою поступлено было с гг. профессорами, преподававшими в университетах, и вместе строгость цензуры клонились к прекращению некоторых политических идей, принадлежащих XIX столетию, но не менее того идеи сии еще скорее распространялись от преследования, и те из молодых людей, которые не имели бы понятия о книгах гг. Куницына и Арсеньева, старались иметь их и читать" (*Избранные произведения*, 1951, т.1). Сам К.И. Арсеньев, привлеченный к ответу, в своем объяснении писал, что им излагались такие начала и мнения, которые он слышал всюду и которые "признавались всеми не только не вредными, но и позволенными и даже обыкновенными, это были мнения повсеместные" (*Избранные произведения*, 1951, т.1). В вопроснике, который арестованным декабристам предъявил Следственный комитет, был пункт: "В каких предметах вы наиболее усовершенствовались". На это А.А. Бестужев ответил: "Смело сказать могу, что я не оставил ни одной ветви наук без теоретического или практического изучения, и ни одно новое мнение в науках умозрительных, ни одно открытие в химии или механике от меня не уходило" (*Избранные произведения*, 1951, т.1). Сходные признания встречаются и в других следственных делах.

Сущность философской культуры декабристов суть форма их личной духовной деятельности по осмыслению идеала совершенной личности и ответственности общества за его практическое достижение. Такая жизненная позиция не была исключительной в идейном опыте поколения, но в связи с политическими репрессиями произошла идеализация их устремлений, что повлияло на динамику социальных стереотипов в XIX в.

3. Тема личности и интеллектуальной свободы в образовательном проекте декабристов

Рассматривая опыт формирования мировоззрения декабристов, следует соотнести его с миропониманием масонов. Известно, что многие декабристы в течение некоторого времени входили в масонские ложи, но в связи с идейными расхождениями покинули их. Так, известие о том, что П.И. Пестель ранее имел V степень шотландского мастерства в ложе Сфинкса, подтверждает С.П. Трубецкой. В своих "Записках" он вспоминает, что когда при создании задуманного общества между его членами были распределены организационные обязанности, П.И. Пестель занимался "формой принятия и внутренним образованием. Он имел пристрастие к формам масонским и хотел, чтобы некие подобные были введены для торжественности" (*Избранные произведения*, 1951, т.1), что не было одобрено другими членами общества.

Сведения о том, что многие из членов обществ декабристов состояли ранее в масонских ложах, подтверждают О.Ф. Соловьев, Г.В. Вернадский, А.И. Пыпин, В.И. Семевский. Это произошло в стремлении упрочить свое новое мировоззрение, использовать известные структуры для решения собственных задач, которые, впрочем, реализовать не удалось. Поэтому еще до ареста они в большинстве своем оставили братства, включая П.И. Пестеля, А.Н. Муравьева, братьев Муравьевых-Апостолов, С.П. Трубецкого, М.А. Фонвизина, Н.И. Тургенева, К.Ф. Рылеева, С.Г. Волконского. Большинство декабристов, соприкасавшихся с масонством, не впали в мистицизм, а, присмотревшись ближе к масонству, разочаровались в нем, и постепенно покинули масонские ложи. Причинами разочарования были, прежде всего, политический консерватизм масонов, ничтожность их просветительской и благотворительной деятельности и, наконец, потеря времени на посещение лож и исполнения требований ритуала, так можно обобщить вывод, сделанный крупнейшим дореволюционным исследователем Семевским В.И. в работе 1908 г. "Декабристы-масоны" (*Семевский*, 1909).

Однако концепты стремления к истине, соотнесения просвещения и социальных изменений уже принимались как доказанные. "Одно лишь истинное познание может сделать людей лучше, только оно одно в состоянии прекратить ту междоусобную войну, тайно и вечно возгораема между гражданами различного звания и дарований, разделяет почти всех членов общества," – предполагал Н.А. Крюков (*Избранные произведения*, 1951, т.1). Конечно, следует указать и подчеркнуть изменение их содержательного наполнения. Во-первых, обосновывалась необходимость распространения знаний во всех слоях общества. "Вестник Европы" опубликовал статью "О признаках народного просвещения", где указывалось: "...пока науки будут исключительной собственностью одного какого-либо сословия людей, которое сверх того еще по особливому закону совершенно отделено от всех прочих, до тех пор можно утверждать с достоверностью, что в таком народе нельзя ожидать значительных успехов просвещения" (X, 1815). Во-вторых, стремление к истине обрело характер естественнонаучного: положительное знание должно быть обосновано, и в то же время "...на каждую гипотезу можно иметь два воззрения. Можно говорить против нее, можно говорить и в ее пользу, но вообще все софисты, если они добросовестны, то, наверное, знания их поверхностны, ибо нельзя защищать гипотезу, когда мы знаем, что есть другие вероятнейшие. Еще более нельзя отвергать ее, видя превосходство ее над другими", – такое мнение высказал П.И. Борисов, декабрист, проявивший себя на каторге "догматическим безбожником" (*Избранные произведения*, 1951, т.1). В-третьих, поскольку большинство разрабатываемых декабристами тем были социальными, то наиболее аргументированными признавались те, что имели

ссылки на исторические факты², а не на религиозные заповеди. Н.А. Бестужев: "Мы живем в веке историческом... Теперь история не в одном деле, но и в памяти, в уме, на сердце у народов. Мы ее видим, слышим, осязаем ежеминутно; она проникает в нас всеми чувствами" (*Избранные произведения*, 1951, т.1). Историческая тема заняла видное место в творениях К.Ф. Рылеева, В. Кюхельбекера, В.Ф. Одоевского, А.А. Бестужева и др. Исторические ссылки пронизывают программные и политические документы декабристского движения. Такая логика обоснования своих идей приобретала в глазах мыслителей смысл выполнения важного гражданского долга, большой общественной задачи.

Глубокое познание прошлого считалось одной из самых неотложных задач тайного общества. Мысли Н. Тургенева о том, что у нас изучение истории более всего необходимо, подтверждает М.С. Лунин: "История /нужна/ не только для любопытства или умозрения, но путеводит нас в высокой области политики" (*Лунин*, 1987). В 1824 г. молодой подпоручик П. Черевин писал: "Кто посвящен в таинства истории, для того настоящее вполне постижимо, он прозревает и будущее" (*Черевин*, 1825). В уставе Союза благоденствия указывалось, что "Союз ..., обращая умы к полезным занятиям, особенно к познанию отечества, старается водворить истинное просвещение" (*Избранные произведения*, 1951, т.1). Считая историю "великой наставницей людей", декабристы надеялись найти принципы социального бытия в его прошлом, чтобы затем положить их в основу нового социального устройства. Эта идея была тем звеном рациональности, которое скрепляло сложившиеся отношения, социальные идеалы и просветительские программы. Интеллектуальное осмысление бытия и истории решало и другую, сложную для философов проблему – проблему движущей силы в истории. Так, Н.М. Муравьев писал: "... от времени до времени рождаются новые понятия, новые мысли. Они долго таятся, созревают, потом быстро распространяются и производят долговременные волнения, за которыми следует новый порядок вещей, новая нравственная система" (*Муравьев*, 1954).

Продолжением этой мысли была идея формирования идеала "нового" человека, обуреваемого страстью познания, стремящегося проникнуть в тайны бытия, ищущего ответы в самостоятельном наблюдении окружающей жизни и изучении творения "гениев человечества" – философов, историков, ученых и писателей:

... дивный, дерзкий человек
Он обымает круги звездны,
Он мерит небо, сходит в бездны
Ему доступны все места ... (*Кюхельбекер*)

Ссылка на поэтические строки не случайна. Декабристы обычно не входили в полемику о способности отраслей наук в большей или меньшей степени влиять на развитие человека и общества. Энциклопедичность, свойственная дворянскому образованию начала XIX в., снимала проблему выбора приоритета гуманитарных или естественнонаучных дисциплин в познавательной активности, последняя недифференцировано оценивалась как положительная и соотносилась с проблемой интеллектуальной свободы. Однако следует подчеркнуть, что в соответствии с особенностями времени, среди которых было пафосное отношение к Просвещению и вместе с тем слабость языка в философской и научной сфере, ассоциативные ряды стихосложения являли собой форму фиксации мировоззренческих достижений. Особенное внимание в литературных работах уделялось проблемам гражданского просвещения, пониманию сущности которого, по мнению декабристов, способствовало обращение к чувствам, например, через поэзию: "Сила и прямота стихотворений не состоит ни в созвучии слов, ни в высокопарности мыслей, ни в непонятности изложения, но в живости писания, в приличии выражений, а более всего в непритворном выражении чувств высоких и к добру увлекающих" ("Зеленая книга") (*Избранные произведения*, 1951, т.1). Призыв разделить высокие чувства преобразовывался в призыв разделить идеи миропонимания.

Не менее важно, что привычные нравственные категории, описывающие позитивные социальные качества, стали рассматриваться с позиции свободного выбора на основе знания: "Чтобы быть справедливым и добродетельным, должно быть просвещенным; в таком случае упреки совести будут справедливы", – писал Н.А. Крюков (*Избранные произведения*, 1951, т.1). К.Ф. Рылеев высказывает схожие мысли: "Прежде нравственность была опорой свободы, теперь должно ею быть просвещение, которое вместе с тем род человеческий снова должно привести к нравственности. Прежде она была врождена, человек был добр по природе, с просвещением он будет добр и добродетелен по знанию..." (*Избранные произведения*, 1951, т.1). В настоящем исследовании мы опускаем вопрос о происхождении взглядов о врожденной нравственности человека, здесь следует подчеркнуть ссылку на необходимость познания идей, формирующих жизненные смыслы. Призыв познать нравственность для русской философии XIX в. стал сверхзадачей, решаемой как

² В настоящем пункте мы не учитываем историческую точность фактов, используемую в обоснованиях своих суждений декабристами, важно принципиальное изменение подходов аргументации.

философией "всеединства", экзистенциальной и религиозной философией, с одной стороны, так и революционной философией различных теоретических направлений – с другой. С высокой долей достоверности можно считать, что такой подход сформировал активную область гуманитарного знания, свойственную русской философии, а процесс ранжирования образовательного материала выдвинул эти знания в общеобязательные для становления личности человека.

Тема образованной личности была одной из ярких черт социо-культурного проекта декабристов в философском осмыслении реалий бытия. Здесь обсуждалась и роль идейного лидера, и уровни социальной ответственности просвещенного человека, и ответственность общества за образование человека. Отметим сложную позицию в этом вопросе, представленную П.И. Пестелем в своей Конституции. Несмотря на декларируемое равенство граждан перед законом, в одной из глав он писал: "... Наказания должны быть одинаковы для всех состояний и всех сословий без изъятия, хотя против этого правила говорят, что одинаковое наказание для человека образованного и человека без образования (выделено мною – З.Ж.) будет большее страдание для первого, нежели для второго. Но изъясненное здесь правило основано на 3-х причинах: во-первых, род наказания должен соответствовать роду преступления, а не состоянию преступника, ибо преступление есть произведение злых качеств человека, а не причисление к тому или другому сословию; во-вторых, одинаковое преступление, соделанное человеком образованным и человеком без воспитания, заставляет предполагать более разврата и более унижения в первом, нежели во втором, а, следовательно, и должен первый быть наказан сильнее второго; в-третьих, цель наказания не есть страдание преступника, но удержание других от подобных деяний, а посему наказание должно быть сообразно преимущественно с действием оно на людей" (*Избранные произведения*, 1951, т.III). Таким образом, абстрактный гуманизм и такое же абстрактное право образованного человека противостояли реальности, понимаемой человеком в оценочных суждениях. Амбивалентность знаний в обществе поглощается социальными притязаниями, поэтому движущей силой они становятся только в определенных условиях. И если само знание как ценность не может быть оспорено, так как в сущности оно является приспособительным механизмом, то его со-действие с другими социальными явлениями и представлениями о них открывает сложные проблемные вопросы мировоззренческого характера.

Одной из наиболее сложных проблем становится выявление причинно-следственных зависимостей в социальных явлениях. Сошлемся вновь на убеждения масонов, которые устанавливали приоритет веры в свободном личном развитии в процессе обретения знаний, общественный прогресс был суммой качеств отдельных личностей. Декабристов интересовало другое: их идеи касались социальных взаимодействий. П.Е. Каховский утверждал: "Свобода, сей светоч ума, теплотвор жизни! Была всегда и везде достоянием народов, вышедших из грубого невежества. И мы не можем жить подобно предкам нашим ни варварами, ни рабами. Но и предки наши, менее нас просвещенные, пользовались большей свободой гражданственности..." (*Избранные произведения*, 1951, т.II). Предположение, что свойства гражданских отношений определяют и свойства пути в преодолении невежества человека, подтвердило для декабристов актуальность социальных реформ. Такая позиция объясняет, почему просветительская деятельность декабристов была замкнута их политическими проектами.

Тем не менее, принципиальная гуманистическая направленность не была заслонена политико-реформаторскими идеями, а просветительская деятельность считалась предтечей социальных изменений. В "правилах" Общества соединения славян читаем: "Богиня просвещения пусть будет пенатом твоим ... почитай науки, движения и ремесла" (*Восстание декабристов*, 1958). А.Н. Пыпин в труде "Общественное движение в России при Александре I" отмечал, что в деятельности Общества "Союза Благоденствия" основными направлениями считались четыре главные отрасли: человеколюбие, образование, правосудие и общественное хозяйство, причем распространение знаний и просвещения, истинной нравственности предполагалось проводить "во всех сословиях народа", а воспитание юношества считалось исключительно важной задачей. Для осуществления таких целей планировалось издание воспитательно-образовательных журналов – "повременных сочинений" (*Пыпин*, 1885). Быть проводником в сфере эпистемологического богатства для людей этого круга было делом чести.

Ф.П. Толстой – яркая своеобразная личность, целеустремленная и полная широких интересов – вступил в "Союз благоденствия" уже сложившимся человеком, скульптором, знаменитым своими медалями в честь Отечественной войны 1812 г. Он был председателем вольного общества ланкастерских школ, учрежденных непосредственно членами тайного общества. Причиной вступления в Союз благоденствия, который он именовал "благотворительным обществом", Ф.П. Толстой назвал "желание благотворствовать нуждающимся и угнетенным бедностью и давать по возможности способы желающим приобрести познания в науках и художествах" (*Восстание декабристов*, 2001). На следствии Е.П. Оболенский показывал, что "постепенным улучшением нравственности и распространением просвещения... общество надеялось достичь тихого и неприметного переворота в правлении государства" (*Пыпин*, 1885). Практикой обучения занимались ссыльные декабристы в школе

Ялуторовска (*Болоцких*, 1989). М.С. Лунин в этот же период писал, что "долгом чести для дворянина и средством употребления умственных способностей является обязанность платить за выгоды, которые доставляют ... совокупные усилия низших сословий" (*Лунин*, 1987). Реально планируемая и проводимая практика обучения строилась как классическая просветительская схема, когда проблема истинности знаний учителя не ставится, и предполагается, что он получил их ранее от другого учителя. Другими словами, принципы активизации самообразовательной потребности личности не входили в задачи деятельности декабристов, что можно объяснить, с одной стороны, специфическими сословными взглядами дворянской интеллигенции, а, с другой стороны, они развивали имеющийся в обществе просветительский подход, дающий в известной им среде достаточные результаты личностного развития.

Не менее интересен подход декабристов к проблеме интеллектуальной свободы. Эта тема звучала отдельной строкой в программных документах тайных обществ.

Н.С. Муравьев в проекте своей Конституции создал главу III "О состоянии, личных правах и обязанностях русских", где указывает, что все русские не только равны перед законом, но и имеют право излагать свои мысли, чувства и сообщать таковые посредством печати своим соотечественникам. Однако такое общество все же оставляет за собой право "обвинять" книги, которые подобно всем прочим неправовым действиям могут преследоваться. Здесь же предполагалось, что Народное Вече будет не только покровительствовать наукам и полезным искусствам, но и предоставит сочинителям и изобретателям право пользоваться определенное число лет их сочинениями и изобретениями. Исключительной силы для своего времени либеральная декларация несла глубокий философский смысл. Была сделана попытка рационализации и придания социального статуса тому, что сегодня называют интеллектуальной собственностью, и на этой основе легитимировать интеллектуальную свободу, или, говоря языком XIX в., "умственную эмансипацию". Значения, которые человек придает своим интеллектуальным достижениям, существенны для социума, такие взаимодействия ценностей формирует открытую систему, где знания не только накапливаются, но и ведут к активной полемике и усложнения мыслительных схем.

Позиция П.И. Пестеля, записанная в одной из его тетрадей, содержит несколько иное мнение: "Законы об издании Сочинений и новых открытий определяют, как должно поступать и что должно соблюдать при издании в свет переводов и разных Сочинений, равно как и при новых открытиях в Науке, Художествах, ремеслах и всякой промышленности; в каких случаях имеют Граждане исключительное право пользоваться выгодами их открытий, и с какими правилами должны образовываться ведомственные писатели и всякие печатники (типографщики) и т.п." (*Избранные произведения*, 1951, т.III). Таким образом, здесь интеллектуальная свобода была соотнесена с юридической ответственностью, регулирующей общественные интересы. Вступающие в таком случае императивы не могут быть оценены заочно, без ссылки на содержание предлагаемых законов. Но подобный механизм управления социальным и индивидуальным знанием, как показала последующая событийная история, не смог реализовать свои позитивные возможности, так как были исключены гуманистические испытания свойств его компонентов. Впрочем, интеллектуальная свобода является гибким, комплементарным феноменом, взаимодействующим с другими свойствами личности, причем сложный характер процесса создает практически непреодолимые трудности в его формальной типологизации, что, в свою очередь, относит этот вопрос к сфере философии, где фрагментарность знания преодолевается суждениями-интуициями, описательным обоснованием убеждений и т.п.

4. Философское осмысление языковых изменений в обществе

Взгляд на социальные реалии и идеи о пути развития общества, представленные в трудах декабристов, отражают и такую важную характеристику общественных отношений как развитие национального языка. Феномен развития языка, а в первой половине XIX в. произошли его качественные изменения, свидетельствовал о новых потребностях общественного сознания. Обобщенно укажем, что поводами к полемике было соотношение "старого" и "нового" языка, иностранных слов и слов славянского происхождения. Однако принципиальным здесь было уяснение и признание патриотического или космополитического проекта развития Отечества, а также формирование рационально-когнитивного типа социализации при получении образования, расширении роли науки в социально-экономическом развитии. Языковые программы стали знаками такого выбора. А.А. Шишков как сторонник консервативных взглядов на общественное развитие подтверждал свою позицию, последовательно отстаивая мнение о старославянском наречии как основном источнике русского языка. П.И. Пестель рассматривал идею русификации, исходя из другой идеи, он считал, что законы должны быть написаны так, чтобы "каждый гражданин мог их понимать" (*Восстание декабристов*, 1965). Эту цель он предполагал достичь путем замены иностранных терминов русскими эквивалентами: конституция – "государственный устав", теория – "умозрение", республика – "общедержавие",

предложена была и замена многих военных терминов. В частных статьях он оставил достаточно большой словарь таких замен, но объяснения здесь строились уже в контексте патриотических идей.

А.А. Бестужев (Марлинский), как и большинство русских литераторов, высоко ценил богатство языка летописей и вообще старославянский язык, но считал, что "новые идеи" требуют "новых знаков для выражения", и что нужно создавать язык философский и "ученую номенклатуру". Бедность научного лексикона, по его мнению, сдерживает образованность общества, в работе "Взгляд на старую и новую словесность России" А.А. Бестужев писал: "В сей партии, мною начертанной, читатели увидят, в каком бедном отношении находится число оригинальных мыслителей и число дельных произведений к количеству оных. Рассмотрим тому причины: ...необъятность империи препятствует сосредоточению мнений, замедляет образование вкуса публики. ...Университеты, институты, лицеи и училища, умноженные благотворным монархом, поддерживаемые щедротами короны, разливают свет науки, но составляют лишь малую часть в отношении к многолюдству России" (*Избранные произведения*, 1951, т.1). В то же время в своей статье "О романе Клятва при гробе господнем" он ссылается на атмосферу откликов о 3-х томном труде Н.Ф. Полевого "История русского народа": "Эта-то самая современность с её подозрительной ошупью, с её отрывистой речью, кинулась в глаза нашей посредственности, которая не только не успевала за временем, да и не думала равняться ему хотя бы с затылка. Все зашевелилось. Университетский колокольчик приударил набат" (*Избранные произведения*, 1951, т.1). Рассматривая далее статью А.А. Бестужева подробно, можно сделать вывод, что мыслитель видел трудности на пути просветительских идей, и среди прочего: "...феодалская умонаклонность многих дворян усугубляет сии препоны. Они рубят гордые узел наук мечом презрения, не хотят учением мучить детей своих и для сего оставляют невозделанные умы, как поля – из пристрастия к псовой охоте" (*Избранные произведения*, 1951, т.1). Взгляды А.А. Бестужева (Марлинского) представляли мнение определенного круга дворянской интеллигенции, главной чертой таких мнений, отличающих их от привычной критики социальных реалий, был призыв реализовать на практике заданные социальные модели.

5. Заключение

Интерес к теме образования в духовном творчестве декабристов стал отражением их взглядов на развитие человека, становление его личности. Если классическая европейская антропология метафизически рассматривала человека как некую сущность, имеющую базовые составляющие, то антропология декабристов включала тему развития, и, как ее составляющую, проблему направленности и противоречивости такого развития. Как продолжение ставилась проблема взаимоотношения личности и общества, что было весьма значимой темой для декабристов, при этом образование здесь рассматривалось как фактор, обеспечивающий право личности на самостоятельность. Однако определение содержания обучения должно было в целом соответствовать государственной политике, понимаемой декабристами в собственной интерпретации. Феномен образования привлекал декабристов своей философской проблемностью, политической значимостью и сложными социальными взаимосвязями с другими мировоззренческими позициями (представления о свободе, долге, праве и т.п.).

Конечно, для философского сознания на первом месте стоит вопрос о природе и истоках ситуации, на каком уровне социальной реальности и в какой сфере явлений лежат ее корни. Декабристы, опираясь на опыт философии Просвещения, социальную реальность рассматривали с точки зрения проектируемых ценностей, которые становились столь же значимыми, как реальность. Тема образования в мировоззренческих поисках декабристов формировалась на основе категории должного, поэтому в их социальной философии значимы не столько вопросы онтологии, логики или методологии знания, сколько принципиальные основания, зависимости и модели антропосоциального развития. Противопоставив развивающийся Разум догматизму Веры, декабристы обосновывали идею преодоления гражданской несостоятельности отдельного человека путем приобщения к цивилизационному знанию. Как философы с политическим складом ума, они стремились сформулировать недостающие компоненты активной гражданской позиции в обществе. Фиксируя расхождение реального бытия и сферы ценностей, декабристы в целом оставались на позиции просветительской философии, где заданные этические императивы приоритетны в воздействии на человека, а нормативное управление общественными отношениями (новое государственное устройство) может быть обеспечено однажды выстроенной "просвещенной" моделью.

В личном плане декабристы успешно реализовали модель индивидуального развития через образование непрофессиональное, неспециализированное, идеологически зависимое от сложившихся властных отношений (критицизм) и от собственной мировоззренческой позиции, но направленное на осмысление и испытание ближайшей реальности. Нет оснований говорить об ограниченности идей в философии образования декабристов, так как их мировоззренческая деятельность была предтечей системных культурных проектов бытия личности и общества, созданных русскими мыслителями в XIX в. Для философии образования их опыт важен сочетанием затронутых тем, переносом ранее

сформировавшихся стереотипов о роли знания и его развития в новые действия и отношения, включение в политические социальные проекты положений об ответственности общества и государства за культурное воспроизводство, что иллюстрировало не только существование такого мнения в общественном сознании, но и переход к стадии рационализации этой идеи в теориях и концепциях.

Литература

- Болоцких В.Н.** Декабристы в Ялоторовске: мировоззрение и деятельность. *Новосибирск, Издательство Новосибирского университета*, 134 с., 1989.
- Борхес Х.Л.** Проза разных лет. М., *Радуга*, с.92, 1984.
- Вернадский Г.В.** Два лика декабристов. *Свободная мысль*, № 15, с.73, 1993.
- Восстание декабристов. Документы. В 20 т. Науч. ред. М.В. Нечкина. М., *Госполитиздат*, т.V, с.9, 1958.
- Восстание декабристов. Документы. *Там же*, т.VII, с.222, 1965.
- Восстание декабристов. Документы. В 20 т. Отв. ред. А.Н. Сахаров. М., *Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН)*, т.XX, с.8, 2001.
- Довнар-Запольский М.В.** Идеалы декабристов. М., *Товарищество И.Д. Сытина*, 423 с., 1907.
- Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. В 3 т. Под общ. ред. И.Я. Щипанова. М., *Госполитиздат*, т.1, 782 с., т.2, 568 с., т.3, 467 с., 1951.
- Корнилов А.А.** Очерки по истории общественного движения и крестьянского дела в России. *СПб. Тип. Товарищества "Общественная польза"*, 1905.
- Лунин М.С.** Письма из Сибири. М., *Наука*, с.55, 1987.
- Муравьев Н.М.** Записка об "Истории государства Российского" Н.М. Карамзина. В кн. *Декабристы-литераторы. В 3 кн. Литературное наследство. Ред. А.М. Еголин. М., Издательство РАН СССР*, кн.1, с.576, 1954.
- Пыпин А.Н.** Общественное движение в России при Александре I. *СПб, тип. М.М. Стасюлевича*, с.511, с.264-268, 1885.
- Семевский В.И.** Политические и общественные идеи декабристов. *СПб, типография 1-й Санкт-петербургской трудовой артели*, 1909.
- Фомин А.А.** К истории вопроса о развитии в России общественных идей в начале XIX века. *Пгр, тип. "Сириус"*, 1915.
- Х.** О признаках народного просвещения. *Вестник Европы*, ч.95, с.94, 1815.
- Черевин П.Д.** О преподавании истории детям. *Вестник Европы*, январь-февраль, с.129, 1825.